

Юрий Мамлеев

Империя духа

«Терра Фолиата»

2010

Мамлеев Ю. В.

Империя духа / Ю. В. Мамлеев — «Терра Фолиата», 2010

ISBN 978-5-87456-901-3

Действие нового романа мэтра метафизического реализма происходит в Москве начала XXI века. Главные героями, входящие в эзотерический круг, пытаются понять смысл своего существования и разгадать загадку души. Почему русская душа стремится в запредельное и что приходит извне как некий неописуемый луч, бесконечно отдалённый от всего того, что излагает Традиция? Каково это быть богом, воплощённым в тварном мире? Возможна ли реализация вечного начала в столь безнадёжно слабом человеческом теле и в такую отвратительную эпоху, в которую мы живём, когда все высшие духовные ценности вывернуты наизнанку, когда мир сочится уродством, ужасами, перверсиями, смертью, страданиями? Искания героев проходят через парадоксальные мистические переживания и преломляются как в мире духовном, так и в мире бренном в особые ситуации, в которых реальность России Вечной непостижимым образом связывает интуиции, описанные в монументальных полотнах индуистской философии и метафизических откровениях автора романа. Гротеск и нежность, любовь и смерть, Россия-мученица и Россия-победительница. Трагизм безмерной душевной тоски, надрывные алкогольные возлияния и уютно-покойные чаепития, провалы в плоть и прыжки в потустороннее составляют ландшафты Империи Духа. Ответы на поставленные вопросы приводят их к тайне Родины, к её высшей миссии, к её духовному предназначению и осознанию мистерии русской души, призванной обрести Невозможное.

ISBN 978-5-87456-901-3

© Мамлеев Ю. В., 2010

© Терра Фолиата, 2010

Содержание

Часть I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юрий Мамлеев

Империя духа

© Ю. Мамлеев, 2010

© TERRA FOLIATA, издание на русском языке, 2010

* * *

Часть I

Хорошо покончить с самим собой, где-нибудь на лесной полянке, к примеру, при одном условии: если точно знать, что после тебе уготовано желанное место в ином мире, тем более в лучшем.

Или, точнее, ты сам подготовил себе это место. Но не дай Бог ошибиться или вообще ничего не знать и не понимать.

Вера в спасение шатка
Знание знаков зыбко
В будущем нет порядка
Тайна гнетёт ошибкой.

Вот этого, действительно, не дай Бог.

Что касается меня, то я имею возможность до упоения наслаждаться бесконечностью своей души. Но всему есть предел. Воплотиться в физическом, да ещё падшем мире, это, знаете ли, парадокс. И такое со мной случилось. Это походило на удар бревна по голове, символически говоря.

Когда на какое-то мгновение, будучи младенцем, я осознал, что со мной, то завыл. Потом озарение угасло, и я надолго стал как все.

А потом проснулась она – память о моём прошлом. О мирах, где я жил и искал запредельное. Разорванная память, конечно, лоскутки иного бытия. Ха-ха-ха! Впервые такое проявилось, когда мне было четырнадцать лет. Дальше – больше, дальше – во Тьму.

Но сначала о моей семье, обо мне с человеческой точки зрения. Впрочем, не удержусь сказать о том, какой смех у меня вызвало обучение разным наукам в школе в Москве, где я, естественно, учился как рождённый человеком того времени. (А время было – вторая половина 20 века.)

Особенно смешило меня происхождение человека от обезьяны. Это учение таки преподавали с особенным, почти религиозным трепетом. Наш-то учитель просто расплывался в эдакой блаженной улыбке, когда говорил об этом.

Один раз, помню, я не выдержал и так захохотал, прямо в ухо соседу, что учитель выставил меня из класса, добавив, что я опустился ниже обезьяны...

А вот людей мне бывает жалко, до безумия жалко.

Сейчас, когда я пишу эти строки, мне уже свыше тридцати лет. И зовут меня Александр, фамилия Меркулов. Мамочка моя, Зоя Андреевна, как рассказали мне потом её родственники, сразу после моего появления на свет впала в дикое, неоправданное ничем веселие. Носилась, как безумная, по концертам, театрам, магазинам и всё говорила, что возбуждена до крайности. Обо мне она, собственно говоря, даже как-то позабыла, всё помнила только о своём веселии.

Но как человек она состоялась очень доброй, иной раз до почтительности.

Отец мой, Семён Викторович Меркулов, был строг, но на меня это особенно не распространялось. Он считал меня придурком, но очень любил. Не побоюсь сказать, что именно за это он меня и почитал. Хотя человек он был не в меня образованный, при этом его всегда тянуло к придуркам.

Времена были лёгкие, ещё советские.

Я же с детства любил больше всего свою сестрёнку, Соню. Была она на шесть лет моложе меня, но по свойствам своим сначала была человек, в обычном понимании этого слова. Мы с ней резвились, бывало, где-нибудь в детском саду, всегда вместе. Она в куклы, и я – в куклы,

она – мордашкой в песок, и я – тоже. Она почему-то казалась мне моим двойником, только в виде девочки.

Резвились-то мы, резвились, но я уже тогда удивлялся больше не миру, природе, скажем, а только собственному существованию. Тут уж удивлению моему не было конца. Поэтому я иной раз, играя в песке, замирал, словно лягушка, выброшенная не туда. Сонечка тогда меня дёргала за что-нибудь, чаще за ноги, и ласково твердила:

– Саша, ты что? Давай играть в Бога.

Почему она так говорила, я тоже удивлялся потом.

Соня же теперь ни во что не верующий человек.

– Кроме одного, – улыбалась она мне вчера, – в тайну. В тайну я верю.

– Это по-нашему, – ответил я ей, – по-русски.

Кроме Сони, матери и отца, у меня ещё существует Зина, дочка, маленькая пока, и бывшая уже жена Римма. Мы с ней полуласково развелись.

...По-настоящему осознавать ситуацию я стал лет в 18-20. Учился я тогда в институте иностранных языков, на переводческом факультете. Давалось мне это легко, потому и пошёл, чтобы не забивать голову чем-то внешним.

Главное, что к этому времени я познакомился, и глубоко, с эзотерической литературой, в первую очередь, с Ведантой. Легло это на душу быстро, ибо во многом соответствовало тем элементам опыта из прошлой жизни, которые я мог как-то восстановить в своём сознании. Но, с другой стороны, я уже тогда чувствовал, что собственный опыт – основа всего, даже когда он расходится с традиционными учениями того человечества, того цикла, в который я попал.

Всё это я тщательно скрывал от окружающих, хотя мамуля, Зоя Андреевна, иной раз с подозрением посматривала на меня; слава Богу, у меня была собственная комната, где я мог свободно предаваться медитации, особенно по ночам.

Первое «разоблачение» произошло неожиданно. Сонечка, уже начинающая художница у нас, заболела. Обнаружили опухоль на печени. Ужасу в семье не было предела. Я же не просто знал, я видел, что всё обойдётся в самое ближайшее время, и опухоль окажется доброкачественной.

Поэтому мне приходилось прямо-таки строить гримасы отчаяния. Но мне верили.

Бедная Сонечка, несчастный, слепой как все люди, ребёнок! Что она могла знать! Она только рыдала, с таким безумием, с такой дрожью за свою жизнь, что я сам начинал сомневаться...

Но в клинике, куда её положили, я собрал все силы, чтобы спасти её не от смерти, которая ей не угрожала (как выяснилось впоследствии для всех), а от бесконечного ужаса перед смертью в её сознании. Я чувствовал, что она может сойти с ума ещё задолго до операции.

И здесь мне, конечно, пришлось приоткрыться. Я начал с того, что как-то вечером написал ей весь следующий день, до подробностей, до всех анализов и т. д. Она была ошеломлена. Обалдение её было настолько велико, что вытеснило ужас, и она встретила меня на следующий день с широко открытыми глазами, в которых не было и слезинки.

– Саша, ты что? – только и спросила она.

Признаюсь, такие мелочи, как предвидение будущего дня дались мне с трудом, невероятным, длительным усилием, но так всегда бывает со всякой мелочью, ибо настоящие прозрения даются молниеносно и часто непредсказуемо. Поэтому я довольно резко сказал ей:

– Соня, слушай меня внимательно. Я твой брат и желаю тебе только добра. Но я не только твой брат, а гораздо больше...

И пошло!

Прежде всего, я озвучил перед ней её самые секретные, затаённые, взлелеянные мысли, которые она длительное время таила в себе. От такой шоковой терапии она сжалась, как пойманная мошка, и только прошептала: «Помолчи... не надо».

И тогда только мне удалось убедить её в моём всевидении. И это всевидение моё говорило ей о том, что она будет жить... И она сломилась в лучшую, солнечную сторону.

Бедная Сонечка! Она встретила приближающийся (временный) уход своего сознания со сцены так называемой жизни с трепетом, но не с ужасом. Операция прошла удачно и без тревожных последствий. Я всё время посещал её и после. Потому что не мог забыть нечеловеческий ужас в её глазах перед воображаемым исчезновением навсегда, смертью, так сказать.

Моя цель была выбить из её головы этот бред, который она принимала за реальное чудовище. Она ослабла, мучилась, но дикая радость от того, что она выжила, двигала её ум только в одном направлении: разрешить загадку смерти, убить бездну. Она верила мне, сходила с ума от неопишуемого счастья, когда я приходил. И я приступал к немедленному духовному лечению. Мои аргументы были традиционными, они известны, но я добавил кое-что о весьма экзотическом из собственного опыта.

Вдруг с какой-то стремительностью, параллельно физическому выздоровлению, она ясно осознала, что никакой смерти как конца её существованию – нет, и такого не может быть.

Чудовище оказалось химерой, словно специально созданной современной цивилизацией циклопов и роботов.

Но она была живая, как, впрочем, и многие другие люди вокруг, большинство даже, окружающие меня и мою семью, к примеру. Казалось, эта удивительная цивилизация должна была проглотить, разжевать и выбросить в подвалы ада – ан нет! Вопреки всему.

Я это ясно вижу: грязь и падение не уничтожили вертикаль. Это весьма таинственно, но это так. Россия, не сдавайся!

Но Сонечка моя вообще оказалась на редкость удачливой в метафизическом отношении. Как выздоровела – взялась веселиться, пить вино, радоваться каждой секунде своего бытия, но в то же время бросилась читать ту литературу о существовании человека, которую я ей рекомендовал...

Но вскоре я потерял её из поля повседневного общения. Я женился на Римме, словно явившейся из ниоткуда.

Отец припас для меня однокомнатную квартирку, а Соня осталась с родителями в нашей трёхкомнатной.

К тому времени я приобрел феноменальные, неожиданно для меня, знания нескольких языков, и потому существовал безбедно. Это, наверное, произошло по наследству от отца.

Потому к этому времени и он изменил своё представление обо мне как о придурке.

История моя с Риммой была в меру гротескна и сюрреальна. Почему я её более или менее полюбил – теперь уже не помню. Она была глазной врач. Главное для меня было убедить её оставить для меня пространство и время для периодической ежедневной медитации и более чем медитации.

Она скрипела зубами, но в чём-то соглашалась. Я убеждал её, что это мне необходимо для здоровья и сохранности.

В остальном я её устраивал. Верила она только в свои глаза, и то в смысле физического зрения.

Я в первое время был ею доволен, но смешила она меня часто.

Она не понимала, почему я порой чуть ли не хохотал откровенно над самыми банальными и житейскими её рассуждениями или это её чуть-чуть пугало. Она вздрагивала даже иногда.

По душе Римма была проста, но, по большому счёту, она не могла во что-либо верить, – основательно. Любое убеждение в чём-то пугало её и вызывало глубокое недоумение. Больше всего она не верила в себя, в своё существование. Оно всегда казалось ей неопределённым и шатким.

– Вот-вот пропадёшь на этом свете, – бормотала она порой себе под нос, готовя обед.

На мои занятия медитацией она смотрела с ужасом, но ужас гасился любовью.

За что она меня любила, было совершенно непонятно, и, прежде всего, ей самой. Римма не просто принимала меня за другого человека, за того, кем я не был, порой она признавала меня не за человека, а, скорее, за существо: тихое, скромное, но крайне загадочное. Я и сам не знал, за что я более или менее полюбил её, и свyksя на первое время.

Вместе с тем, с течением времени я обнаружил, что больше всего на свете Риммуля любит спать. Она могла спать и днём, и ночью, в кресле, на столе, если бы ей этого захотелось, везде, в любой дыре этого мира.

Моя Сонечка, с её чуть-чуть истеричным интересом к метафизике, смерти и бессмертию, вызывала у неё отвращение.

– Ну и сестрёнка у тебя, – сказала она мне как-то, – чудовище какое-то, а не человек. Она что, действительно хотела бы жить вечно?

Я, помню, тогда резко её оборвал, попросив не называть мою сестру «чудовищем». Она, зевнув, извинилась и сказала, что хочет спать. Но я прервал, спросив:

– А ты, что, действительно равнодушна к своей смерти?

Римма усмехнулась.

– Нет. Я к ней отношусь любовно.

– Это как?

– Саша, в чём дело, в конце концов? – ответила она, опять зевнув. – Тоже мне проблема! Что страшного в смерти? Каждый вечер мы делаем это, когда засыпаем... Ну заснём навсегда... Ну кукарекнем раза три в могилке, а потом замолкнем. Чем плохо-то?

Я, естественно, и так, без лишних слов, видел суть её личности и, в конце концов, любил её за это... Ну, что ж, проспит где-нибудь в уголках Вселенной и продолжит, так сказать, миллиарды лет, пока не проснётся. Впереди – Вечность. Всё-таки лучше, чем ад. А я ей помочь в данной ситуации, увы, не мог. Против Промысла Господнего никак не пойдёшь.

Но года через три такой тихой жизни мы разошлись, и именно полуласково. Точнее, мы вовсе не разошлись окончательно.

Она заявила, что её постоянно раздражает моя сестра (Соня часто, конечно, часто приходила ко мне), но особенно медитации и, вообще, мои состояния не от мира сего.

– Я – не дура, сама понимаю, что от этого надо бежать, уходить куда-то, – объясняла она. – Но я-то причём? Из-за тебя мне снятся неприятные сны. А я хочу покоя.

Я совершенно не возражал. Она переезжала к родителям, и наш брак (кстати, гражданский) стал как бы прерывным. Так мы договорились. Иными словами, периодически она, как блуждающий сонный огонёк, появлялась в моей квартире, временно, а потом опять исчезала в свой покой.

Мне стало, может быть, полегче.

Главное, что я продолжал упорно, используя то, что дано в глубинах мировой духовной Традиции (и, конечно, не забывая о собственном опыте), пробиваться к единственно важному для меня. К тому, кем я был до этого нелепого воплощения в физическом мире, в каких мирах и где я бродил. Воплощение в таком грубом, падшем, словно ошибочно созданном мире, естественно, влечёт за собой такую потерю высших способностей души, что сводит их к минимуму. Чтобы знать, надо умереть... Но я преувеличиваю, пусть этот мир агонизирует уже несколько тысячелетий, но в нём тайно содержатся такие духовные возможности, которых нет ни в раннем, ни в каком-либо золотом веке. Потому нельзя быть односторонним. Я быстро усвоил те знания, которые содержались в великих или даже полутайных книгах, и всё это совершенно нормально. И, кроме того, видимо, в агонии скрыты и потом открываются глубочайшие тайны. Весь тварный мир, по существу, – не что иное, как пульсирующая агония. Но эта агония ведёт в пучину Вечности, в бездну Бога в самом Себе... Но хватит. Пока что я не могу пробиться даже к самому себе. Не к своему Вечному Началу, к неуничтожимому высшему Я или, иными словами, к духу во мне, а к этой загадочной, парадоксальной, блуждающей и непокорной части

«моего бытия», которая называется душой. Чего бы ей блуждать по всей Вселенной, когда она соединена с таким вечным убежищем, как то, что в разных традициях называется то образ и подобие Божие, то просто Бог, то Атман, то есть высшее Я, абсолютный субъект? Уж не хочет ли она, душа, поглотить своими блужданиями дух? Ха-ха-ха!.. Я нарушаю правила божественной игры... Но, наверное, так и надо. Надо моей безумной, бесконечной, рвущейся в беспредел русской душе. Несомненно, я в этом уверен, что моя душа – изначально русская, но несколько заблудившая... Я не могу пока точно прояснить, насколько глубоко я погружён в космологическую Россию, в инварианты Вечной России. Что-то брезжит в моём уме, но я определённо знаю, что я как-то уклонялся от финального пути в Россию Вечную и блуждал в иных мирах, далёких от России... Видимо, что-то случалось непредсказуемое... В том числе и это попадание в эту Россию, где я сейчас, в Россию, связанную с физическим миром. Воистину, это тяжело. Тяжело видеть в таком опасном положении моих близких, моих соотечественников, просто русских и русских по духу, и других, всех тех, кто живёт в России и любит её. Да и всех людей на этой планете, в этом срезе её, жалко. А помочь?.. Можно и нельзя. Потому что я с очевидностью вижу, что Россия эта, зажатая страшной эпохой падения земного человечества, должна по промыслу Божьему пройти этот мучительный отрезок её исторического пути, в который я и сам попал. И я вижу, к сожалению, что я брошен сюда не для того, чтобы «спасть», а, видимо, по какой-то иной причине, касающейся только меня...

...Между тем, время, земное время, а не то Вечное всепоглощающее Время, упорно шло и шло. Сонечка моя подрастала, и меня она с каждым годом всё более и более изумляла. Я вёл почему-то отрывочные записи, вроде дневника, но и так многое врезалось в память, видимо, навсегда.

Шёл уже 21 век, Россия выкарабкивалась из пропасти, в которую её хотели толкнуть. Я часто проводил время и работал, кстати, – переводил на даче родителей в Болшеве. Туда, конечно, заезжала и Сонечка, где-то уже Софья Семёновна, так сказать. Шучу. Ей шёл двадцать первый год, как появился, вроде бы, муженёк, скорее, «друг» – «любовник» звучит несколько неприятно. Дело в том, что жили они вместе не постоянно, как-то довольно свободно, не навязываясь друг другу. Родители надеялись, что они всё-таки вступят в нормальный брачный союз – молодой человек этот, Антон Енютин, им нравился. Мне – не очень. Но на это воля Сонечки. Был он, как и она, по роду профессии книжный график, пусть и учащийся ещё. Из хорошей семьи, его корни – в русском дворянстве. Но по характеру Антон был крайне тихий, ну до невозможности тихий, даже мышку превосходил он в этом отношении. Молчаливый такой, но в своём деле талантлив, без всяких комплексов и страхов. Тих он был, мне кажется, от уверенности.

Может быть, Соню всё это устраивало, цинично говоря. Но какая-то почти незримая внутренняя связь между ними, несомненно, была. Однако изумление, которое вызывала у меня моя сестра, было иного порядка. Соня с такой легкостью и глубинным интересом овладевала метафизическими науками, что сами индусы развели бы руками. К двадцати четырём её годам, к примеру, я подsunул ей сложнейшую работу Рене Генона о множественности миров, шедевр эзотерических концепций, и что же? Она проглотила это молниеносно, и по её замечаниям я понял, что она вошла в тему. Тут уж мне осталось только развести руками... Она изменилась даже физически; в том смысле, что её природная красота потеряла лёгкий налёт женского инфантилизма и стала какой-то загадочной таинственной красотой. Уж не множество ли миров вселились в неё?

И вот тогда в нашу жизнь вошли эти двое. И все из моего небольшого круга общения. Друзья, так сказать, где-то настоящие, где-то более или менее. Один – Миша Сугробов – был на год моложе меня, человек такой широкой, как русские степи, души, что в неё вмещалось всё: от метафизики до безумных, но в то же время обуздываемых запоев. Мы и безумие научились контролировать силой воли.

Другой – Денис Гранов, того же возраста примерно – был, между прочим, не совсем человек даже. Но об этом потом. Сам он, конечно, об этом не подозревал.

Сугробов был бард и эссеист. Гранов – художник. Но это к сути Гранова не имело никакого отношения.

Гранов наводил ужас на Римму, и, когда она первый раз его увидела, то не появлялась у меня два месяца. И звала к себе, в уют, в сонное царство, с пряниками и самоваром. Всё мне твердила потом, что жить во сне – самое лучшее, а краше сновидений ничего нет на свете. И только тогда, когда Бог погрузит всю Вселенную в сон, наступит всемирное счастье. Так уверяла моя Римма со слезами и пряниками.

Собирались мы втроём, бывало, на даче, особо любили зимой, когда кругом снежная вьюга, сугробы, и дача душевно скорее напоминала медвежью берлогу, чем дом.

Сонечка грезилась где-то в соседней комнате, а мы сидели на зимней террасе – и за стеклом видны были ледяные и снежные чудеса русской зимы.

Сугробов был на вид диковат, но крайне образован. Знал художников чёрт-те какого века. Но из литературы, из прозаиков, по высшему счёту любил только Льва Толстого и Достоевского, как-то объединяя их, таких как будто бы непохожих, в нечто родное и единое. Поэзию любил всю без особого различия. Широколицый, блаженно-мешковатый, он пронизывал окружающих взглядом своих голубых глаз.

Гранов же Денис был, как ни странно, внешне немного похож на Сугробова, но с совершенно иным выражением лица. Оно, прежде всего, довольно часто менялось, иногда прямо на глазах.

То вдруг возникала ярость, причём такая, что создавалось впечатление, что это существо вот-вот встанет и ударит первым попавшимся бревном по голове. Кто бы это ни был, даже женщина. Потом внезапно всё менялось, и лицо Дениса охватывало весьма и весьма депрессивное выражение – результат сумасшедше-глубинной депрессии, которая, к тому же, появлялась ни с того, ни с сего, без всякой внутренней причины. Но ещё на его лице царила печать какой-то всеобщей непонятности и потерянности. Точно Гранов не понимал, где он находится, почему он тут, и тогда окружающий мир он окидывал взглядом человека, упавшего не с луны, а откуда-то дальше. Но то была чистая иллюзия, ибо, в конце концов, ниоткуда он не падал, а взгляд его, выражающий полную одуроченность, имел другие причины. Но в целом он, всё-таки, контролировал себя, как мог. Бревном, точнее, поленом, уколошил только один раз, и то подвернувшуюся под беспричинный гнев собачонку. Но мебель ломал.

Такова была наша компания.

Бывал ещё один, но о нём даже упоминать пока не хочется.

Началось у нас с Грановым всё с того, что однажды летом на пресловутой даче он остановил меня, когда я выходил из деревянного домика в нашем саду. Он гостил в это время у нас.

– Саша, – проговорил он, взяв меня за пуговицу моей рубашки, – скажи мне, кто ты?

И он поглядел на меня отсутствующе-пристальным взглядом.

Я напрягся, потому что в его взгляде темнела какая-то разгадка. Или?... Неужели ты не знаешь меня? – спокойно ответил я.

– Не мучай меня, – был ответ. – Я чувствую, что ты не отсюда. Скажи, откуда ты? Где ты существовал прежде?..

– Почему тебя это так интересует?

– Я чувствую, что ты знаешь многое скрытое...

– И что?

– Ты знаешь, кто я, какой судьбы. Ты можешь мне помочь... Я мучаюсь, не зная о себе ничего. Даже дату своей смерти я не знаю...

У меня удивительная память на то, что происходит здесь. Я помню точно этот разговор. Что мне было делать? Ведь я, к ужасу своему, понимал, кто он, и кем он был до рождения здесь,

и почему на самом деле он мучается. Но ответить искренне я не решался. Такая искренность могла дорого стоить.

А он смотрел на меня как волк на свою добычу. Скажи мою тайну, и всё. Сумасшедшая и в то же время почти дьявольская улыбка появилась у него на его лице.

Он присел на пенёк.

– Я уже давно намекал тебе. Но ты уходил... Знаешь, если ты не ответишь, а ты знаешь обо мне всё, – я просто прирежу тебя. И в душе не дрогнет. Прирежу, и всё. Мне противен этот мир...

Большая голова его одеревенела от мыслей.

Я осторожно подошёл к нему сзади.

Он сидел неподвижно, внутренне огромный и дикий, но очень образованный на язык.

Я поцеловал его в затылок и сказал:

– Не ври. Ты меня не прирежешь. Я мог бы тебе кое-что рассказать, но ты ещё не готов принять такие новости о себе. Подожди немного.

– Сколько ждать?

– Сколько надо. Но недолго. Только ответь, почему ты решил, Денис, что я эдакий знаток тайн рождения и смерти, на небе и на земле? Я же тихий, и сестру свою люблю...

Денис встал с пенёка.

– Пойдём в дом.

И дальше весь день не проговорил ни слова. И я молчал по отношению к нему.

Пришла в мою комнату Соня. Она удивилась нашему молчанию, взяла гитару, и, словно забыв о метафизике, запела... о какой-то разлуке... и о том, что могила никогда никого не разлучит. Я удивился, Соня редко так оказывалась простой доброй девушкой. Явился Сугробов и явно застонал от радости, что увидел поющую Соню.

Даже Денис дурно как-то повеселел. Всё-таки без неприятности не обошлось, – Гранов придавил ногою мелькнувшую, было, мышку. «Не будет мелькать», – махнул он рукой.

– Не махай, Денис, – поучил его Сугробов, – мы не прохожие – ни здесь, ни там...

И потом всё закружилось в нашем обычном общении...

...Из всех моих многочисленных приятелей и полуприятелей (из разных кругов, в основном, всё-таки, с налётом эзотеризма) само собой как-то изобразились три отключённых от земного бремени человека.

Двух я уже описал, как всё равно родных. Но добавлю, что Денис жил одиноко, с женщинами вёл себя беспорядочно, хаотично, но умеренно. Работал мало, в основном рисовал картины. Свободное было существо, одним словом.

Сугробов же Миша потерял жену – умерла во время родов. Зато сын, Алёша, сохранился, и, любимый, делил восходящую жизнь свою с отцом и бабушкой с дедушкой. Сугробов писал свои эссе смело, мысль его порождала самые причудливые изображения...

Но был ещё третий – Евгений Солин, нашего поколения человек, со своей женой Викой и дочкой-малышкой Анечкой. Последний был до того необычный субъект, что его прятали от чужих глаз. Но об этом потом.

Главным качеством Жени... Да нет, просто скажу: был он человек абсолютно ошеломлённый. Поэтому чаще молчал. Зато жена его, Вика, тоже была ошеломлена, но не метафизически, как Женя, а по жизни, земной, простой и чудовищной. Более всего ошеломила она не только от своего мужа, но ещё более от дочки своей, Анечки. И ошеломление её стало полубезумное и лихое, говорливое. Нестандартная, конечно, явилась она на свет, какие уж тут стандарты...

Такова была наша внутренняя компания.

Всё кружилось неплохо для души – и влюблённость Сугробова в Сонечку, и её таинственность, и тихий её муж Енютин, рисующий монстров, и всё это общение, обогащающее

каждого из нас, но основную напряжённость вносил Денис. После той жутковатой сцены в саду, он внёс в нашу компанию, в наш круг, идею о том, что я тщательно скрываю от всех некое тайное знание, и, следовательно, я – человек во тьме для всех. Но больше всего его интересовала собственная личность. И потому он ждал от меня какого-то откровения на свой счёт. Я отлично понимал корни его тревоги, то уходившей в дику депрессию, а то – ещё хуже... Прирезать меня он, однако, никак не мог: не тот человек. На этот счёт я не беспокоился. Но что-то жуткое было в его безмолвной тоске, в его взгляде, обращённом ко мне: ты всё знаешь! Но я видел, что он ещё не готов. Солин, по крайней мере, молчал. Его молчание, при всей странности, никого не мучило, кроме крыс. У нас на даче они внезапно возникли, но тотчас исчезли после его появления.

Впрочем, видимо, это было причудливое совпадение.

Но всё же сущностное молчание его кончилось. Именно поэтому одна наша вечеринка на даче в Болшево так врезалась мне в сознание. Постараюсь восстановить в деталях, как было, тем более, свои «дневниковые» заметки.

Солин приехал раньше всех, один, сказав, что Вика приедет чуть позже. Я хотел умилить его хорошим чаем из Индии, за столом в саду, но он вдруг отозвал меня куда-то в сторону под старое дерево, словно оно могло подслушать его откровения. Криво улыбнувшись, он поведал мне про себя. На самом деле всё оказалось серьёзным и необычным. За свою жизнь Солин прошёл много кружков и метафизических увлечений, не брезгуя даже оккультизмом.

– Но всё это само собой не то чтобы исчезло, но как-то притупилось, поблекло... Все мои, так сказать, увлечения и практики – для тебя не новость, Саша, – сказал он.

– Но почему поблекло?

И он объяснил: с тех пор как стали возникать, редко, но периодически, простые, но странные явления. В сознание, в центр, стал падать некий луч, тихий, до безумия отдалённый – от всего того, что известно в духовной Традиции и описано там. Ничего неопишуемого, ничего божественного, насколько божественное или его проявления известны гуру, святым, пророкам и т. д.

Разумеется, никаких видений, ничего болезненного или разрушающего. Просто на какие-то мгновения луч – откуда-то из такой запредельности, о которой ничего сказать невозможно, даже в смысле неопишуемости и т. д. Просто знак, что, помимо всего того, что известно в религиях и метафизике, есть такое запредельное, которое не имеет ко всему перечисленному никакого отношения. Луч как знак того, что такая запредельность существует.

– Что ты скажешь? – спросил, наконец, Солин.

– Всегда есть вероятность невозможного, – ответил я. – Странно. Но с таким лучом шутить нельзя.

– Он не несёт ничего угрожающего. Лишь знак о запредельном. После этого я как-то притих в плане моих духовных исканий. Они стали для меня какими-то неопределённо-бесконечными. Всё, что было тайной и молчанием, стало обыденным.

Я вздохнул.

– Не преувеличивай. Неведомый луч – сам по себе, а то, что мы называем высшей реальностью – само по себе.

Он кивнул головой.

Откровенно говоря, я был поражён. Солин всегда отличался глубиной, и в адвайта-веданте тоже. И если он интерпретировал всё верно, то... Но за чаем я его утвердил.

– Женья, – сказал я, – самое главное – это собственное спасение, точнее, освобождение, реализация своего вечного начала... Если ты не бессмертен, так сказать, точнее, не вечен, то всё падает в пропасть, в том числе и твой луч. Личная вечность, неуничтожимость должна быть гарантирована. А после – хоть танец абсолютно невозможного. А до этого ничто, даже невозможное, не должно сбивать нас с толку. Знать об этом луче можно, но не влезать туда...

Он вяло согласился.

Пришла Вика, весёлая, щебечущая, лихая. Беспокойно взглянув на Солина, она потребовала водки. Рюмашку, конечно.

В этот вечер тьма была какая-то просветлённая. Деревья в саду выделялись, как живые – вот-вот задвигаются и будут бродить по участку. Наконец, подъехала долгожданная машина во главе с Сугробовым. Гранов и Соня моя сидели позади. Денис ещё прихватил с собой свою молоденькую двоюродную сестру, студентку. Она была также знакомая Сугрובה. Звали её Рита. Родители наши с Соней отсутствовали. И решили всем остаться на ночь на даче. Где-то недалеко когда-то жила Цветаева.

Постараюсь описать, даже в скрытых чертах, этот слегка безумный вечер.

Расселись мы в саду под деревьями, за удобным столиком, кругом зелень, словно ограждающая нас от шума и грохота мира сего.

И сразу стало уютно и добродушно. Душа в душу. Покой и ласка. И водка, вино, к тому же, хорошие. Но примерно через часок нарушили всё крики соседей. Вышли взглянуть. Оказалось, на нашей улице, на противоположной стороне, где-то на углу, пожар. Горит дача, причём весьма богатая. Заглянули с улицы, дико кошмарное пламя охватило участок, слава Богу, довольно далеко от нас. Языки огня с жадной настойчивостью рвались в небо, точно стремясь и его поджечь. Дым точно поглощал воздух. Хлопотали пожарные. Собаки были так, будто всему собачьему миру пришла смерть.

Особенно бесилась соседская собака, злобная, смелая и жестокая, она не выла в страхе – рычала на бедствие. Я заметил, что месяц назад нашли труп недалеко от нас, на углу. Загрызла человека собака. Чья – неизвестно, но, на мой взгляд, это соседская, она иногда как-то вырывается на улицу, и тогда берегись тот, кто жив.

Пожар, шум и вой не утихали. Мы плюнули на всё и вернулись обратно – отдыхать.

Выпили, конечно, слегка, и Денис попросил слова.

– Когда даже чуть-чуть выпьешь – внутренней цензуры нет, – заявил он и пошёл в следующем духе:

– Друзья, – начал он. – Я, кстати, прекрасно зная английский язык, много путешествовал, побывал даже в Бразилии. Видел мир, и снаружи, и изнутри, со стороны человеческих душ. Да и стоящими книгами об истории мира сего баловался. И моё заключение: мы живём в больном, сумасшедшем мире, который по концентрации зла почти не имеет себе равных среди других миров. Я, конечно, исключаю ад. Короткая жизнь, смерть, болезни, бесконечная кровь и войны, трупы, самоуничтожения, духовная тупость, следовательно, обречённость после смерти, перманентные катастрофы, болезни, ненависть, вечное насилие и страх, страх, постоянный крадущийся всесильный страх, заползающий в души человеческие и порабощающий их.

– Может, хватит? – вмешался Сугробов.

Денис же впал в какую-то мистическую ярость, и его уже невозможно было остановить. Лицо его как-то изменилось, по выражению, по крайней мере, и в глазах проявилась скрывающаяся затаённость.

– Всё правильно, – только повторял Солин.

Наконец, Денис закончил:

– Только за огромные грехи в прошлом бытии можно получить такое наказание как попадание в этот мир, рождение в нём. Мы с вами, господа, как и другие на этой планете, – преступники, жутковатые преступники, наказанные рождением здесь.

Это уже было слишком. Такой накат вызвал протест, хаотичный, но твёрдый. Рита, молоденькая, так та прямо-таки завизжала, протестуя.

– А к тебе, Риточка, у меня вопрос, – прервал её вдруг Денис. – Почему с самого начала, как только мы сели за стол, ещё до пожара, у тебя всё время слегка, но заметно, дрожали руки? ...А, молчишь... Ты ведь у друзей... Так в чём же дело?! А я тебе скажу: внутренний страх,

вечный, онтологический страх простого смертного... Ты только чересчур чувствительна, и у тебя это выходит наружу.... То-то...

И он, налив рюмку, продолжил:

– Ты, Миша, – обратился он к Сугробову, – извини меня... Моя сестра – чудесная, прекрасная...

– Преступница, – мрачно брякнул Сугробов.

– Да, ладно... Мы все... Предлагаю выпить за Риту...

За Риту-то мы выпили по предложению Дениса Гранова, так сказать, но его речь зацепила.

А Денис опять в какой-то мистической отключённости бормотал, словно он выпал из другого мира:

– Так не может быть, не должно быть, как здесь... Это космическая патология, эта планета... Где я? – он развёл руками. – Где мы? Куда мы попали?... Что это вокруг?

Наконец, я не выдержал. Вика тем более впала в настоящую истерику; хлебнув полстакана водки, она причитала:

– Да это настоящая миротфобия... Вот к чему мы придём... Как можно так рычать на весь мир!

– Денис, – начал я. – Послушайте, вы, дорогуша, крайне односторонни. Всё это так, но кроме... Кроме есть жизнь, бытие, бытие и в аду радость, а здесь, здесь – такое благо быть... Вы что? И наслаждений хватает, на худой конец... Фифти-фифти, как говорят. Но главное, в этом диком, носорожьём мире человеку дана возможность переделать свою низшую природу и стать бессмертным, подобно богам, и даже больше... Ведь в Богочеловеке, во Христе изначально до его воплощения на земле соединился Бог с человеческой душой... Это что-то значит или нет?!.. Я уже не говорю о том, что он, придя сюда, принёс себя в жертву...

Это был мощный контрудар. Я продолжил ещё немного, но вмешался ещё и Сугробов:

– Денис, это ведь падший период. Надо терпеть. Но именно в такую отчаянную эру в род человеческий могут быть брошены самые таинственные эзотерические откровения...

Солин оживился и кивнул головой, предложил выпить за самое, на первый взгляд, безумное.

– Получится, как в теорфизике – безумные идеи побеждают. Хорошо бы так и в жизни, по крайней мере, у нас в России, России духа, я уточняю.

Денис, помню, резко прервал, и его речь меня удивила:

– Ваша Россия раздавлена под пятой мрака современного мира.

И проговорил ещё что-то крутое в этом смысле. И в том смысле, что нам уже не прийти в себя, не воспринять, а другим и подавно.

Такие речи и смыслы вызвали такой же резкий отпор. Даже Соня, которая всё время молчала, высказалась довольно определённо. В том отношении, что Россия – непредсказуемая, она сметает все свои временные неудачи, и её дух не зависит от демиургов мира сего. И он не может быть сломлен ни здесь, ни тем более в других мирах.

Вот такая оказалась моя Соня, некогда бедная девочка, трепетавшая от страха перед смертью, а теперь – смотрю ей в глаза и улыбаюсь: какая уж тут смерть!

Но все эти наши высокие и ужасные порывы остановила Рита.

– Ребята, пока вы тут метафизичничаете, – сказала она тихо, и её голос внушил доверие, – кто-то там сгорел или горит в этом соседнем доме... Кот или человек – почти всё равно...

– Царство им всем небесное, – вмешалась Вика. – Надо взглянуть, всё же, что там... А тут птички щебечут, соловьи поют, белки скачут – хоть бы что... Дыму нет, и слава Богу...

– Почему ж собака соседская перестала выть? – спросил кто-то, не помню, кто.

– Отравили, наверняка, – ответила Вика.

Мы потихоньку встали и пошли выглянуть. Открыли калитку. Смотрим – пожара, вроде бы, нет. У нашей калитки стоит соседка, Надя, из противоположной дачи.

– Ну, что? – спрашиваем.

– Дом сгорел. Пожарные последнее тушат. Хозяин тоже сгорел. Отличный был мужик, богатый очень, вор, крупный вор... но сгорел, пьяный был.

– А семья?

– У него баба была. Красивая. Модель. Но ушла от него к тому, кто ещё побогаче. Говорят, рыб любил ловить из аквариума и есть... Для развлечения, что ли...

– А дети?

– А кто их знает? – добродушно ответила Надя. – Я не в курсе. Ничего, найдутся люди добрые или Бог приберёт...

Она перекрестилась и прибавила, уходя, что собака погорельца сбежала, а охранник был пьян, но не сгорел...

И, хохотнув, закончила:

– А заказчик огня – конкурент какой-нибудь оголтелый, а поджёг сам охранник, это, наверняка, исполнил он...

Потом донеслось от Нади ещё какое-то крепкое словцо, и она удалялась и удалялась.

Прошёл мимо ещё один человек, мужичок, скромный такой.

– Пожар! – слегка истерично напомнила ему Вика.

Мужичок пожал плечами.

– Раз есть на белом свете огонь, значит, гореть будем... Куда мы денемся?..

Вика вздохнула, и мы все вернулись в сад, чтобы к ночи пить чай, а не водку. Поставили самовар, нашлись пряники, баранки, варенье, всё как положено.

Но покой на душе из-за чая и духовные воспоминания о царской России («Какую страну мы потеряли!» – вздыхал Миша Сугробов) не смогли предотвратить страх и боль за настоящее.

– Когда этот мрак кончится? – вдруг спросила Вика, и с этого началось.

Но я быстро восстановил равновесие:

– Вспомнили бы не о девяностых годах, а о семнадцатом годе. Пришли твердолобые, как скала, обезумевшие от крови фанатики, комиссары. И что от них осталось? Ушли комиссары, уйдут и эти... Накипь девяностых годов, уголовники, полууголовники, обезумевшие не от крови, а от наживы. Которым наплевать на людей, на страну, даже свою презренную жизнь отдадут за деньги... И потом – одна дорога, сами знаете, куда... Они обречены...

– Уйдут-то они, уйдут, – возражал Солин, всегда довольный Викой, даже её истериками. – Но, прежде чем уйти, такое наворотят... И комиссары ушли, но не без следа и жути...

В заключение, у последней чашки чая, Сугробов убедил всех:

– Кто бы ни приходил, а внутри себя Россия остаётся Россией. И никто её не сдвинет против себя, против своей сути... Даже оккупация.

Последнее, правда, вызывало сомнение.

– Поверженная страна – это уже другая страна. И то же – поверженный народ, – так, кажется, среагировал Солин.

И Вика, продолжая, подхватила:

– Нас всё время хотят уничтожить. Я знаю, история, слава Богу, – моя профессия. Но не удастся, любая их агрессия оборачивается их гибелью. «Прикосновение – смерть», – как писал Волошин. Даже оплаченные революции не помогли: это обернулось братанием и крушением империи, у них в Германии после Первой мировой войны.

Вика продолжала дальше, довольно мастерски, подчёркивая, что на Россию всегда нападали тогда, когда считали её слабой, до того, как она могла бы перевооружиться.

Всё это было очевидным, но она говорила с такой страстью и приводя такие исторические детали, которые далеко не всем были известны, что её заслушались.

Это выглядело как мастер-класс, погружение в скрытые, не всем ясные изгибы истории. Для Риты такое оказалось подлинным откровением. Бедняжка мало знала о собственной истории.

– Теперь понятно, почему мы всегда так нелегко жили, – растерянно проговорила она. – Сколько ресурсов и сил уходило на оборону... Приходилось защищаться порой от всего западного мира в целом... Одна страна...

– Но здесь, в этом саду, – тихо рассмеялась Соня, – никакой другой мир нас не тронет... В том числе и накупив внутри страны... Если есть уже сейчас очаги России духа, и их надо издавать, то мы не погибнем. Нас не завоюют, не разложат изнутри страны, не заселят и не вытеснят пришлые народы (так, как погибли римляне, к примеру). Потому что, если будет Россия духа, высшие силы сберегут нас. Для этого достаточно не так уж много людей.

Она закончила так же тихо, как начала, и была тишина. Наступала ночь, и её шелесты напоминали о непредсказуемом. И хрупкая, точно пришедшая со звёзд, фигура Сони, она сама, её шёпот и молчание, говорили сами за себя. Чайный вечер прошёл в замирании. Все, конечно, остались ночевать в нашем доме.

...Утром всё было спокойно. Простыл и след пожара. Деревья – неподвижные существа – дышали собственной радостью. Я встал рано, и следом за мной Сугробов. И мы с Мишей уселись на террасе выпить кофеёчку.

И тогда он впервые так открыто и осознанно заговорил о Соне. Правда, и без этого было видно, что он как-то влюблён, что ли, в неё. Кстати, после смерти жены он вёл, конечно, довольно свободную жизнь, но о сыне, Алёше, заботился, любил, хотя он больше пребывал в надёжных руках бабушки. Алёшу этого я тогда ещё не видел, но когда увидел...

Вместо того чтобы просветлеть, Миша помрачнел, когда стал говорить о Соне.

– Вот что, Сашка, – сказал он, – твоя сестра – напрямик из Серебряного века.

– Не совсем, – поправил я.

– Пусть не совсем. Она меня своей душой, своим присутствием очаровала и околдовала. Кто она? Откуда? Это какая-то магия! Ты сам-то хорош, но она...

– Но она женщина, замужем, не забудь.

– Да я боюсь к ней прикоснуться. В том-то и волшебство. Да, она – женщина двадцать первого века, не тургеневская девушка из дворянской усадьбы, чёрт возьми... И в то же время... откуда этот странный покой, эта отрешённость? Не монашеская, нет, это какая-то высшая отрешённость, внутри которой просвечивает своеобразная неземная мудрость... даже не мудрость – то для мужчин, скорее, состояние.

– Какое состояние?

– Мудрого ужаса перед Бездной...

– Ну, ты наговорил...

– Не знаю. Не могу точно определить... От неё веет какой-то бесконечностью, духовно не обязательно свойственной женскому началу... Это не Прекрасная Дама Блока, пришедшая из высших миров... Она, сестра твоя, пришла из Бесконечности, из мистической Бесконечности, и сама есть духовная Бесконечность, которую она духовно переживает в себе... Это её состояние... Она выше мысли...

– Что же делать?

– Ничего. По всем признакам, она – это Русская душа, воплощённая в человеке.

Я замолчал. Откровенно говоря, я не ожидал такого потока. У меня самого было над чем подумать и решить, чтобы не измучить свою душу, и я на некоторое время забыл о своей мистической, но кровной сестре.

«Чего не хватишься, везде – тайна», – сыронизировал я про себя, переделав слова из «Мастера и Маргариты» на свой лад, противоположный тому, кстати. Там было, кажется, так: «Чего не хватишься, ничего у вас нет», включая Господа Бога. Теперь всё наоборот, да и тогда

было наоборот, только в тайне, а на поверхности, действительно, ничего не было, кроме атеизма. Но и сейчас на поверхности ничего нет, кроме звона презренного металла, что вполне равносильно атеизму. Впрочем, сейчас и на поверхности есть нечто иное, не один только звон...

Я тупо впал в такое раздумие, потому что откровения мишины по поводу Сони ввергли меня в лёгкий тупик.

И вдруг я увидел перед собой её глаза. Это были мои глаза и не мои. В них было именно то, о чём говорил Миша.

У меня ёкнуло сердце, видение пропало, причем, это было не видение, а духовное воспоминание...

Я махнул рукой Сугробову в знак полного согласия. В этот момент вошла она. Я замер. – Как спали? – улыбнулась Соня, обращаясь к нам.

Мне показалось удивительным, что у неё есть тело. Как у неё есть тело?.. Это вечное презрение к телу, идущее из глубины веков. Надо его преодолеть. Но, всё же, странно иметь такие несчастные и уязвимые тела. Но в том и заслуга...

Конечно, в тот момент я обо всей этой загадочной телесности и испытаний её и не думал. Мне сейчас это пришло в голову...

А тогда Соня присела на креслице около стола, повертела чашку и о чём-то простом заговорила. Но это вовсе не отменяло всё то, о чём мы говорили, что чувствовал и я, и Сугробов.

На душе стало легко. Что-то нежное вошло в душу. В конце концов, нужны не только очаги Бесконечности, но и нежности. Птицы пели за окном во славу их короткой жизни. И во славу этой короткой жизни все, вставши, собрались на террасе, позавтракали и с ощущением почти бесконечной жизни где-то в глубине себя уехали в матушку-Москву. Я остался один с Софьей своей премудрой, к которой вскоре прибыл и её тихий муж.

Через одиннадцать дней, как точно отражено в моих записях, позвонила мне взволнованная Рита, и между нами состоялся следующий разговор:

– Александр Семёнович, – говорит, – помогите, ради Бога: с Денисом плохо.

– А что?

– В безумной депрессии он.

– Почему в безумной?

– Да так. Весь день лежит на диване лицом к стене. А среди ночи поднимается и песни жуткие поёт у окна... Помогите... Он только вас, по большому счёту, уважает...

– Вы у него живёте?

– Да, я иногда сбегая к нему, чтоб отдохнуть от родителей. У него же квартира-двушка.

– И не страшно вам, когда он ночью так поёт?

– Страшновато, но он же меня с детских лет любил, когда болела... Я его не беспокою, когда он поёт... Но, всё же, нервы сдают... Уже третий день так... Помогите, он всех помощников прогонит, кроме вас.

Пришлось ехать. К автомобилям у меня отвращение, потому добирался общественным. Впрочем, оказалось не сложным. Позвонил в дверь. Рита открыла, сама какая-то, точно во сне.

– Он там, у себя. Я вам мешать не буду...

...Денис сидел в кресле перед большим стенным зеркалом и неподвижно смотрел в него, скорее, может быть, в какое-то зазеркалье.

Вид его был отключённо-мрачный, словно он ушёл в какую-то беспредельную тьму.

На меня он не обратил внимания. На столе, у противоположной стены, лежала, видимо, нарисованная им на большом листе бумаги непонятная карта с очертаниями незнакомых континентов, близко непохожая на горестную карту нашего земного шара.

Я вздохнул, и только тогда Денис проявил какие-то признаки возвращения к этой жизни.

Неожиданно вошла Рита с чайным подносом, дверь она открыла ножкой, ибо поднос с чаепитием был тяжеловат для неё.

Она всё это приятное поставила на стол для нас.

– Риточка, – пробормотал Денис сквозь свой ясновидящий бред. И это, видимо, таково было его первое слово после долгого периода молчаливого отсутствия.

– Денис, нас угощают, – провозгласил я.

– А, и ты тут, Александр, – произнёс он из глубины кресла. – Я вижу тебя в зеркале. Ты вышел оттуда?

Я рассмеялся. Денис встал и присоединился.

Рита ушла, мы остались одни.

Чай оживил его, пирожки он, однако, не тронул.

Я решил взять, как говорится, быка за рога, и спросил:

– Денис, вы себя любите?

– Какого себя?

– Вот этого я и ожидал от тебя.

Эти «вы» и «ты» я почему-то всегда путал (даже с близкими друзьями, как Денис).

– Какого себя! – продолжил я. – Ты ненавидишь себя, какой ты есть сейчас, в данный период. Но в своей глубине, где-то там внутри, где бродит бытие и тайна, ты любишь себя... Оттого и депрессия, что тебе не наплевать на себя.

– Ну и что? Тоже мне, анализ. И так ясно.

Денис почему-то обернулся на зеркало и хохотнул.

– Анализ-то прост, но и вывод, слава Богу, прост. Плюнь ты на свою мирофобию, точнее, на мир этот. Тоже мне, нашёл себе противника. Он исчезнет, а душа твоя, дух, точнее, – бессмертен. Дьявол-то изворотливей, похитрее тебя, Денис. Он-то выбрал себе помогучей супротивника, не такую мелочь, как этот мир.

Денис расхохотался. Это уже был сдвиг.

– Ну и себя ты ненавидишь в той мере, в какой ты – часть этого мира. Но в тебе же, как и в других, таится то, что не от мира сего, что выше творения... Плюнь ты в зеркало на всё, что от этого мира, и живи другим...

– Так-то оно, конечно, так, Саша... Но не пора ли нам выпить... По рюмочке, без излишества...

– Самая пора... Только немного... Для души... А то, иначе, боюсь, ты ещё в худший мрак войдёшь...

– Хуже не бывает... Я согласен. Немного, много не нужно.

После такого небольшого, полутайного, пригубления он как будто пришёл в обманчивый здравый смысл, по крайней мере, на поверхности сознания. Всё разъедающее ушло куда-то внутрь и, может быть, ослабело. Однако после второй рюмки он сказал:

– Хорошо быть пищей для Всевышнего... Это не то, что тебя съедят бродячие собаки где-нибудь на окраине города...

– Денис, не углубляйся, – резко ответил я, – Бог внутри человека, так что... сам делай вывод...

– Ладно, ладно, молчу.

Мы закусили.

– Видишь, – добавил я, – ты повеселел... Иначе ты бы не высказал такое... Так что и от этого мира есть нечто эдакое, хорошее.

– Не говори, не говори, – Денис стал расхаживать по комнате. – Повеселиться есть причины, – и он хохотнул. – Особенно меня смешит человеческое тело, и моё в первую очередь, ибо оно под рукой...

– А что?

– А что?!

От этого невинного вопроса Денис внезапно осерчал.

– Ничего более жалкого, беспощадного и уязвимого я не видывал... Ткни, и оно расплывётся. Живём мы с вами, Александр... Семёнович, в какой-то хрупкой кастрюле, где что-то вечно варится, переваривается, болит, кряхтит, шипит и щурится, и вот-вот лопнет... С таким телом не пройдёшь в иные миры... Стыдно...

– Ну-ну, – возразил я. – Тело это, как-никак, а защищает нас от очень самих по себе неприятных, обморочных порой, существ... Скинь-ка эту, как ты говоришь, «поганую» оболочку... и иго-го! Такая погань и нечисть попрёт, что и эту оболочку за царство Божие прирешь...

Но я его не убедил. Денис продолжал ворчать, порой переходя на гнев полубожеский и отвечая в том смысле, что, мол, я беру худший вариант, а он лично ещё, можно сказать, полуребёнком рассчитывал на лучшее.

Помню, я старался как-то сочетать философские аргументы с юмористическим подходом, чтобы осыпать его душу густым слоем веселия, чтобы он, в конце концов, не смог копаться в ней, как в гнойной ране.

...Раздался звонок по мобильнику. Верещал какой-то девически-глупый голос, к тому же с вульгарными интонациями. Призывал он Дениса пойти в ночной клуб.

Гранов механически отказался.

– Я от своих баб скрываюсь, – заметил он с горечью. – Пора с ними завязывать.

– Они что, не из нашей, так сказать, компании?

Денис чуть не поперхнулся.

– Никак. Какое... С женщинами я ищу простоты... Сначала было ничего, но я быстро от них одурел... Ведь они требуют внимания к себе, как будто они иконы...

– Ну и сравнения... Ты уж совсем...

– Тяжело с ними... Дурею... Я, Саша, если так будет продолжаться, в кота превращусь.

– В какого?

– В обыкновенного. А может, оно и к лучшему. Родился человеком и стал жаловаться на это... а коты себя не хают, не жалуются.

Вошла Рита и повеселела, видя, что Денис мрачно хохочет.

В общем, я почувствовал, что как-то смог не только словами, но и молчком, интуитивно улучшить его раздумия.

– Мой брат слишком смел, – сказала Рита, присаживаясь за столом. – Он иногда говорит об этом мире такое, что его могут арестовать...

Денис искренне на этот раз развеселился, без мрака...

– Да ни в одной стране мира нет такой статьи, чтобы за это сажали!.. К сожалению. Но ты, Рита, обязательно предложи, в Госдуму...

Но я вмешался.

– С религиозной точки зрения, такая миротропия выглядит богохульством... Но всегда можно сослаться на известный текст, в котором говорится, что именно дьявол – князь мира сего... Поэтому, до известной степени, хозяин здесь. Так что насчёт статьи можно не беспокоиться, даже если проживаешь в Ватикане.

Рита перевела разговор в другую плоскость.

– Девушки к брату, – сказала она, – липнут самые вульгарные, даже жутковатые... Я не хочу сказать, что с улицы, но что-то в этом есть... Почему так, Денис? Столько ведь, столько нежных, красивых женщин...

– Я об этом не думаю. Что есть, то есть...

– Они же тебе мешают думать, быть собой... это серьёзно, – не унималась Рита, – оглянись и найди...

Вечер закончился миролюбиво и даже как-то добродушно. Всё бывает...

Я возвращался поздно вечером в метро. Мне откровенно нравятся старые советские станции метро – в них есть что-то могущественное и величественное. По земным меркам, конечно. Веет духом победы над самой мощной и фанатичной армией из числа всех, которые когда-либо существовали на земле. Но лица людей – в вагонах это особенно заметно – измучены в тисках этой жизни начала 21 века.

Но, слава Богу, нет и тени отчаяния, безнадёжности, упадка. Довольно много молодых красивых женщин. Сосредоточенных на чём-то внутреннем лиц... Да, незримую войну, войну *духовную*, вести труднее, чем открытую, железную.

Но война незримая тоже может назваться Великой Отечественной войной, ибо уничтожение души и духа людей так же убийственно, как и разрушение страны.

Я на даче. Вечер. Соня спит на террасе. Я сижу у стола, в кресле, и смотрю в сад. Я не ожидал, что депрессия Дениса зашла так глубоко. Надо снять завесу. Пусть знает. Может быть, ему это поможет.

Я выхожу в сад и звоню ему. Прошло несколько дней с той встречи, и он, вроде бы, в форме. Точнее, в своём обычном состоянии. Это чувствуется по голосу. Я назначаю ему встречу на завтра.

Мы встретились в пригороде и просто зашли, недолго думая, в закудышное невзрачное летнее «кафе» рядом с обычным продуктовым магазином. Зашли потому, что никого там не было, и в углу, за столиком под деревом, можно было вполне изолироваться от мира сего.

У меня налицо было два главных аргумента. Один из них, для меня самый убедительный, был связан с моим знанием метафизической астрологии. Разумеется, она не имеет ничего общего с современной так называемой астрологией. Метаастрология – это древняя, тайная, сакральная наука, по которой можно определить судьбу и черты жизни, существования человека, души, за пределами земного бытия. И станет, может быть, вполне понятно, откуда и почему тот или иной данный человек сейчас уже человек и пришёл на эту Землю.

Второй аргумент – моё видение. Оно, конечно, ограничено физическим воплощением, но относительно Дениса оно было недолгим, почти мгновенным, но совершенно ясным. Это удалось мне на уровне определённой медитативной концентрации, с большим усилием. Но результат совпал с данными метафизической астрологии. Конечно, картину дополняли ещё другие моменты.

Но с чего было начать разговор с ним самим, с Денисом Грановым, с объектом, так сказать?

Я начал с того, что прямо спросил его, как бы невинно, были ли у него исходящие, может быть, из сверхсознания (которое, по сути, вечно) какие-либо переживания при своём рождении, появлении на свет, которые он помнит по сей день? Я был уверен в характере ответа, так оно казалось.

Денис ответил, что он помнит одно странное явление (и память о нём осталась на всю жизнь), которое произошло, видимо, при его рождении, точнее, чуть позже, может быть, когда он был уже младенцем.

– Не помню точно, – добавил он. – Я был, следовательно, как будто бы куском мяса, но в моём сознании, не связанном с моим внешним существованием как младенца, молниеносно и губительно возникла мысль ужаса. Ужаса перед тем, куда я иду, во что превращаюсь! Неужели мне в такой мир? За что?.. Потом всё исчезло, и я лежал и пищал, пищал и пищал, сколько мог... Больше такое не повторялось, – закончил Денис.

– Не удивительно, Денис, – ответил я. – Если б ты мог тогда не питать, а выть, то ты бы тогда бесконечно выл всю младенческую жизнь... И это вполне понятно, Денис, ибо ты пришёл сюда из сферы богов.

И я выложил ему те главные аргументы, если хотите, доказательства.

– И всё твоё, Денис, дикое поведение, ярость и депрессии, объясняются этим фактом. Не всегда боги, если воплощаются в человека, реагируют так, как ты, но помилуйте... даже сравнивать патологично, – продолжал я. – Там, в сфере богов, конечно, зависит от их категорий, но в целом несоизмеримая космологическая длительность жизни, исполнение всех разумных желаний, мысль контролирует без всяких усилий вашу тонкую материю, делает с ней всё, что хочет, наконец, владение Древом Жизни, бытия, наслаждения по интенсивности несоразмерны с низшими, к тому же, беспорочные наслаждения, и, наконец, главное – нет страха, жуткого страха, который всё время сжимает сердце человеческое, парализует волю, превращает в тварь слезливую и дрожащую. Ведь у вас там нет страданий, плоть ваша неуязвима, нет внезапной или насильственной смерти, и сама смерть слишком далека за далью немыслимых измерений... Есть что терять... И после этого воплотиться в чудовищном диком мире!

Денис молчал, неподвижно и жутковато.

– Да, – заканчивал я. – Известно, что всё это благо не вечно. Ведь боги – тварные существа, пусть высокого порядка. Карма действует и там. Пусть поздно, но рай заканчивается. Боги тяжело переживают свой конец. Тут два пути: один вверх, но вверху только Бог, нетварный, чисто духовная реальность, и перейти туда богам непросто. Считается трудней, чем человеку. Потому что пленены своим счастьем, а эта тюрьма более грозная, чем наш ад. Они не хотят никуда выходить из этой тюремной камеры блаженства. И потому, когда, всё-таки, наступает конец, они неизбежно мучительно, с содроганием, познают, наконец, ужас, гиперболический ужас, как бы в награду за блаженство, для эдакого мирового равновесия. И падают вниз по лестнице бытия. В том числе в человека Кали-юги, эпохи мрака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.